

*Л. С. Камнева, М. Л. Лисецкий**

ПОЭТ И ВОЙНА: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблематике войны и ее метафизическому аспекту, явленному в мир не только через реальные боевые действия, влияющие на становление человека, но и через творчество поэтов, крайне точно отразивших воздействие войны на человеческие жизни. В работе рассматривается современное положение дел и состояние человека, чья жизнь и место в мире встали под вопрос. Исследуются статус воина, его утверждение места в мире и становление через его жизнь метафизических объектов, проявление которых особенно четко выступает в свете лишения экзистенциальной явленности другого. Подчеркивается роль поэта и искусства в возвращении человека к самому себе, к ощущению жизни настоящей.

Kamneva L. S., Lisetskiy M. L.

POET AND WAR: METAPHYSICAL ASPECT

This paper focuses on the problem of war and its metaphysical aspect. The author analyzes the topic through real-life military actions that affect the formation of a personality, as well as through the poetry, which accurately reflects the impact of war on people's lives. The current situation and the state of a person whose life and place in the world have been challenged. At the same time, the article explores the status of the warrior, his assertion of his place in the world, as well as the establishment of metaphysical objects through warrior's life. The author also points out the role of the poet and art in the process of war. Through them a man is still able to return to himself.

* Камнева Лолита Сергеевна, старший преподаватель, к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет; l.kamneva@spbu.ru;

Лисецкий Михаил Львович, магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; 9krugada@gmail.com

В общей и частной беде одни помогают деньгами, другие телесной силой, третьи влиянием, четвертые советом; чем я мог бы помочь, кроме как слезами, не вижу.

Франческо Петрарка [17, с. 115]

Со слова начинается мир, с поэзии начинается жизнь. Но какая жизнь? Разве та, что описана в словарях как «физиологическое существование человека, животного, всего живого» [16, с. 115]? Разве та, что означает всего лишь временной отрывок названного явления? Да и кто оказывается более живым: Александр Сергеевич Пушкин, чье присутствие пронизывает каждый учебный класс в русской школе, приобщая учеников к поэтическому, или тот самый, все еще биологически существующий человек, не открывший себя миру, живущий только во имя продления лет своего пребывания на земле? Мало просто существовать, есть, спать, никогда не испытывав себя, своего предела. Жизнь протекает в человеке, но не ограничивается его органическим существованием. Она оказывается шире биологизма и пронизывает светом, связанным с безусловной природой человека, мир «живущих» людей. Давно умершие продолжают быть рядом, влияя на нас более многих современников, пробуждая в нас сокровище. Там, где все мыслилось подчиненным законам естествознания, вдруг сверкает молния, являя присутствие человека между мирами. Мирами божественного и животного, потустороннего и посюстороннего, вечного и преходящего. Открывается мир метафизики; мир, в котором находится место творческому акту, обеспеченному не пустым и равным обменом, но акту, черпающему свои истоки из родникового проявления, скрытого в необъяснимой глубине человеческой души. Где маялся человек в беспризорности, находит он своего Отца. Разверзается пространство истинно человеческого — мысль являет себя миру. Человек попадает в пространство долга и любви, чести и достоинства, отваги и героизма. В этом пространстве человек обретает свое подлинное присутствие.

Ранее этого момента человек оказывался потерянным в мире, ему не за что было зацепиться, чтобы сохранить себя. Теперь он вступает на путь возвращения к самому себе. Бесконтрольное падение, обусловленное расколдованностью современного положения дел, дарует свободу от дольных забот, что своей временностью и непрочностью тянули человека вниз, к животному. Но и такая свобода есть крайний риск, ибо, неподготовленный, он так и пропадет в пустоте, и пропажа эта будет явлена как отнесение и причисление себя к столь незнакомому, но уже быломu проявлению внешнего мира. Для него одно будет развенчано как ненастоящее, но такое же ненастоящее будет триумфально вознесено на алтарь истины. Во избежание потери себя *снова* человек набредает на явленность мысли, что более всего проступает в нашем мире через искусство и философию. «Если есть что-то в большей мере необходимое, чем дороги и законы, то это как раз вещи высокого искусства. Они не подлежат потреблению, как хлеб или бензин, а сами требуют от нас многого, задействуют нас, используют нас для того, чтобы мы принадлежали не себе, а пространству, которое они открывают, пространству мира. Они же создают преемственность, длительность исторического существования» [9]. Вне исто-

рической преемственности, памяти о своих отцах в широком смысле слова, возвращения человека к человеку наше существо рискует быть поверхностно распластано на оболочке мира, став жертвой поветрия времени и моды. А где есть такая жертва, там нет самого человека. Поэзия, как одно из проявлений высокого искусства, своим внутренним напряжением призвана дать человеку знак, ввергнуть его в сферу вечного и непреходящего, дабы мы продолжали земной наш ход. Опасен тот, кто обрел свободу, но более опасен тот, кого она не коснулась, ибо такой человек становится орудием, функцией других людей, что обретают над ним власть и ввергают его в порок.

«Нет законов и причин, по которым человек становится человеком, можно только подготовить и облегчить этот переход или вернее сделать его менее трудным, но еще проще помешать ему, например со всех сторон непрестанно, днем, утром, вечером и ночью оглушая, ошеломляя «потоком информации», так называемой» [10, с. 46]. И упрощает этот путь искусство, долгое время просто сосуществуя рядом с человеком, незамеченное, непризнанное, но звучащее. Звучащее мелодией ненавязчивой, тихой, заглушенной стоном бетонных стен городов. Но вдруг, нечаянно и совершенно неожиданно, Иерихонскими трубами искусство рушит эти стены, и мнимое реальным и значимым пеплом опадает под ноги. Молния на миг дарует простор взору, а память запечатлеват даль горизонта, что был скрыт «человеческим, слишком человеческим». Произошло то, что происходит при решении задачи, при поиске ответа. Решение и ответ сами находят страждущего. И жизнь начинается там, где на задний план отходит животное начало в человеке, что ведет его к сладкому, самозабвенному сну; где человек теперь есть не для себя, где он узнает себя в других и, ища свои границы и спасение, — свое место в мире.

Каждая эпоха имеет свой конец. Эпоха безвременья — не исключение. Онтологическая потерянности и заброшенность, оставленность и непонимание своего места в мире отступают перед призывом Родины, призывом Отечества актуализировать свои силы для защиты земли, дарованной человеку. Рана войны не только ужасает человека, не только заставляет его скорбеть о происходящем, но дает поколению чрез зияющее рассечение обратиться к своему существу, приблизиться к тому, что стоит в основе человеческого мироздания. История есть динамика, есть утверждение своего собственного места в мире, священная защита принадлежащего по праву веры и наследованию мира предков. Обращение же к предкам есть не что иное, как обращение к традиции, к основе, что послужило началом для меня сегодняшнего. А традиция такова, что мир не существует без войны, и дело здесь вовсе не в личных экономических и мелкобуржуазных интересах одного, двух, трех людей. Мир кроится не в угоду денег или ресурсов, но мир меняется во имя идей. Житель комфортной квартиры с фикусом на подоконнике оттого и отрицает войну, что чужда ему любая идея, которая не сводится к его мещанскому существованию, которая не может быть торгашески применена к улучшению условий его собственной жизни. Война его ужасает до животного трепета, ведь единственное, что для него является важным, — его физическая, биологическая, жизнь. Этот же страх заставляет его прибегнуть к пацифистским речам, воззвать к миру и христианству (впервые в жизни), забыв о том, что страшнее смерть духовная, чем

пресловутая смерть тела. Тут-то и открывается онтологический смысл войны, который своей стихийностью, своей энергией пробуждает человека от дремоты современного мира.

Сам по себе пацифизм есть конструкт либеральный, призванный обслужить идею вечного мирового эквиполюса, равновесия сил, отрицая исторические и духовные сферы жизни. Такой покой есть исток равноценного буржуазного обмена, торговли, торгашества. Творческая действительность изымается из такого мира, духовные силы увядают, а жизнь человека отходит на откуп силам научно-технического прогресса. Мирская человеческая жизнь в своей комфортабельности захватывает все новые и новые горизонты, «свобода от» множит свои проявления, открывая миру все более и более извращенные грани человека дольного. Исток пацифизма принято видеть в библейской заповеди «Не убий», но слепо обращаясь к ней общественность своими лозунгами обесценивает и саму вражду, вражду духовную, что лежит между Церковью и дьяволом, между детьми Божиими и детьми дьявола. Церковь есть неотъемлемая часть христианства и человека, и «уяснение, что есть Церковь на земле и что есть земля для церкви, дает понимание, почему война может быть священной, а войны полнят сонм святых» [1, с. 82].

«Ничто торгаши не ставят нам в вину столь часто, как то, что война для нас священна», — пишет Вернер Зомбарт, не забывая отметить милитаризованность народа Германии [12, с. 70]. Да, героизм и священность войны возвышают человека. Война служит переломным событием, точкой бифуркации в становлении духовной составляющей нации. Но не милитаризм и бесконечная воинственность выводит нас в настоящий момент на необходимость неизменных событий. Церковь и духовное основание человека становятся во главу угла. Никто не выступает против условного комфорта человеческой жизни, и нет ничего плохого в крыше над головой и горячей еде. Но, когда комфорт затмевает само существо человека, когда его божественная природа забывается и разворачивается, человечество оказывается в ситуации кризиса. Кризис же этот ведет к полному низложению человеческого существа в мир посясторонний. Где есть торгашество, там есть и «хамство», где есть буржуа, там и возводится Вавилон.

Осмеяние отца, отпадение от традиции, обезличенное высокомерие есть тот самый кризис, что навис над нами. Цивилизация погружает человеческое существо все глубже и глубже в пучину безопасного и безмысленного комфорта, суля ему жизнь, полнящуюся гедонизмом. Но в этой глубине и сам облик человека становится все менее различим. Облик того человека, внутренней своей интенцией имеющего познание самого себя, поиска своего края. На наших глазах в небытие уходит тот, кто ранее был увлечен загадкой мира, требующей предельного напряжения и устремления за свои собственные границы. Уже здесь наступает момент необходимости рывка из ленного, комфортного существования человека, ведь «неискупимый грех — увидеть возможность и оставить ее ради чечевичной похлебki хоть какой-нибудь жизни». [3, с. 75]

«Хоть какая-нибудь жизнь» и ведет род человеческий к угасанию, ибо жизнь такая есть победа биологического начала человека над божественным; утверждается возможность так громко восхваляемой в наши дни идеи равен-

ства. Равенства, к которому с возрастающим гулом призывает нас подчиниться мировая общечеловечность. «Но основы мировой и социальной жизни, пораженной падшестью, не вечные и не навязанные сверху, они меняются от человеческой активности и творчества», а равенство, изымание божественной иерархичности, лишает человека того родникового проявления, из которого и черпаются силы во имя творчества [5, с. 94]. Исходя лишь из человеческой социальности, права и обязанности человека теряют свой смысл, ибо для человека, утратившего божественное, они становятся лишь требованием времени, обстоятельств; их соблюдение — сиюминутная прихоть, что может лечь пеплом в следующее мгновение. Там же, где человек еще не отпал от Бога, соблюдение прав и обязанностей есть долг не только перед другим человеком, но и перед Богом-отцом. Сейчас же божественное начало планомерно заменяется случайным.

Случайное, чем и является имущество, комфорт, успех, не может превзойти, возвыситься над горним. Но не в осуждении или высокомерии узнает себя человек. Всепожирающий дух торговли не смог дать разумного ответа (возможно, из невозможности самого такого диалога) на стоящее пред ним. И не было выбора в дальнейшем акте: «Запрещено низводить добро на один уровень со злом — чтобы выбирать между одним и другим» [2]. И значит, из необходимости долга, из необходимости свободы дан был ответ.

Война открывает нам пространство, что оказывается оторвано от обычной жизни человека. То, что в мире человеческой суеты представало пред нами как убийство, а точнее, уничтожение духовного лица человека, теряет свое значение. Да, сам факт физической смерти остается актуален на поле брани, но качественно этот акт имеет другую направленность. Оттого и война не столь страшит духовного человека, что в его сознании живет мысль: «Настоящая война есть проявление духовной смерти мирного времени». И на смену страха войны приходит понимание, что вновь возникшее пространство есть место, где истинно человеческие качества раскрывают себя в полной мере. Героизм и мужество становятся во главу угла сражения, и нет яркой ненависти по отношению к своему противнику, нет желания привести весь род его к уничтожению (столь бесхитростные феномены скорее свойственны миру «человеческого, слишком человеческого»); есть принятие самого факта необходимости происходящего; есть понимание истинности тверди своей земли; есть жертвенность, в коей «искупается содеянное зло» [6, с. 240]. И нет печати убийцы на лице война. Герой на войне сражается, он противостоит наступающей метафизической опасности потери своего собственного дома, своей Родины, своих родных; он противостоит потере традиции.

Пред нами открывается основное нравственное противоречие войны: само лишение жизни другого ничем не может быть оправдано, сопричастность этому изымает человека из религиозной любви к другому, но и в ином исходе человек уже не смог бы найти себя. «Нельзя предоставить сильному угнетать слабого; нельзя быть щедрым в отдаче чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народ и свое искусство; нельзя отречься от своих убеждений и верований» [13, с. 822]. И такая невозможность ведет к эмпирически неотвратимому моменту лишения жизни

другого. Это есть осознанный акт, повергающий человека во тьму. Но и в этой тьме возможен луч света, что заключается в исполнении истинно героического, где человек на плечи свои берет вину за акт прекращения жизни другого. «В этом принятии на себя последствий своего виновного деяния, хотя бы они, как в данном случае, имели форму новой, тягчайшей вины, есть черта истинного героизма, трогающего душу и не позволяющего произнести слово осуждения» [13, с. 824]. И только в таком случае можно говорить о творческой силе внутренней противоречивости человеческого существа, только в таком случае война может быть принята и пронесена через мир человеческий как великая трагедия, ведущая к обновлению и не позволяющая забыть нам о преступлениях прошлого. «Мы принимаем войну во имя ее отвержения», — писал Бердяев [4, с. 294]. И с ним нельзя не согласиться. Без принятия войны невозможно и ее осмысление. Этот аспект особенно важен, когда мы, возвращаясь, приближаемся к возможности священности войны.

Строгая локализация современных столкновений ведет к феномену, заслуживающему отдельного акцента. Бушующее пламя войны не захватывает своим дыханием нации целиком; всемирность, всебытийственность такого события уступает свое место серой жизни городов. Оглянувшись на последние события нашей истории, мы видим это особенно четко. Трагедия и страх, героизм и мужество, воинская честь и достоинство остаются где-то в территориальных границах самого военного положения. То, что все же призвано пробудить человека от застывшего глаза сна, с трудом доходит до многих, ибо остается скрыто туманом непонимания своей актуальности. Обыденная жизнь продолжает идти своим чередом: люди идут в кафе, пьют вино, смеются и шутят — люди живут мирной жизнью. А где-то последним криком из уст вырывается: «Контакт. Пустой». И нет в этом контрасте как факте ничего ужасающего. Ужасает другое: отчаянная невозможность признаться себе в настоящих событиях, взять ответ за них перед собой, отдать дань воинам, хранящим их покой, открыть глаза на истинные причины происходящего и на свое место в являющем себя.

Где же здесь мы находим поэта? — Поэтом оказывается тот, кто своим словом готов разорвать эту иллюзорную полноту человеческой жизни, привести в нее то, что пролегал за границами мещанского городка, открыть путь в пространство, из которого сам чудом вышел опаленным, но живым. Слово поэта оказывается его утверждающим актом; нужная строфа раз за разом накаляет рамки метафизического напряжения, что ожогом приводят человека в чувства, приобщая его к событию вечных феноменов. Такими феноменами являются вещи, что не могут быть нами схвачены в понятия, однако имеют непосредственное влияние на наши жизни. Они «в нашей жизни воспроизводятся и делятся при условии, что они канализируются через структуры сильно организованные, и ими воспроизводятся как собственные объекты» [15, с. 138]. Авгуром поэт вычленяет из мира пространство, пространство поэтического мира, в котором вершится концентрированная человеческая жизнь.

Само явление, происходящее где-то на мировой карте, в чьей-то отдаленной жизни, остается нами непонятым без проживания соответствующего опыта. В наших жизнях присутствует необходимость «доопределения событий

в мире», и именно актом индивидуализации само событие заполняет в нас пространство свободы, что являет собой решающую роль в становлении человека на свое место *hic et nunc* [15, с. 133]. Здесь и теперь человек совершается; здесь и теперь человек находится в процессе зановорождения. Поэт же медиумом готов своей жизнью и своим словом связать точку, непонятую и ускользающую от человека, с его же нутром; дать возможность совершиться со-бытию, пробудить человеческое существо ото сна, что подобен смерти, что и является смертью духовной.

Через поэзию человек оказывается ведом возвращением к самому себе. Не только читатель, но и поэт оказываются вовлечены в этот процесс, ибо «только что создавший, сделавший текст *поэт* тут же — одновременно — стоит рядом с ним как комментатор, сопроводитель и даже ценитель» [8, с. 17]. Не поэт, подобно скульптору, ваяет поколения, даруя пространство жизни, но сам он становится объектом своего творчества; но сам он совершается, определяется через свой собственный акт, участь у Божественного, что пронизывает его при поэтическом акте. Нет человека, которому принадлежат строфы, но есть человек, через которого мир оказывается высказанным. Высказанным на некотором отдалении, отстранении от творящего, ибо поэт не есть участник происходящего, но зарисовка мира; его картина со своими действующими лицами оказываются во главе угла. В таком напряженно-отстраненном изображении и узнает себя человек, возможно впервые сталкиваясь с самим собой. С тем, которого до этого момента еще не знал. Война более не отделена своей радикальной локализацией в пространстве, она входит в мир обывателя, в том числе напоминая ему о его же причастности к ней. И близким оказывается не то, что находится на малом расстоянии, но близким оказывается то, в чем находит себя человек, за чем он готов следовать, то, к чему он готов припасть.

Хотел наш возраст или не хотел,
наш век учел, учил, и мчал, и мучил
громаду наших душ и тел,
да, наших душ, не просто косных чучел [20, с. 156].

Вырвав человеческое существо из обыденности жизни, человек лишается ранее так излюбленной возможности попросту коптить небо. Теперь он сам есть часть становящегося мира. Мира, ответ за который ложится на его плечи. Нельзя совершить шаг назад и встать поодаль от развертывающихся событий, ибо само событие уже захватило весь мир. И всей своей душой оказывается вовлечен человек, ибо только через нее может быть понята и изжита вина за происходящее. Роскошь оставаться «косным чучелом» более не доступна человеку. Здесь и сейчас надо нести ответ за бурю века, необходимо сжиться с историческим фактом войны и признать за собой ответственность за настоящие события, ибо война ведется не только руками солдат, но и мирный мир (и скорее только он) становится первопричиной войны. От этого и рождается ощущение фатальности века, подчиненности ему, ибо мирным своим действием, не отдавая себе отчета, человек сам ставит себя в ситуацию, где вражда неизбежна, где война неотвратима.

Покой человека нарушен, а мир уж вовсе забыл о равновесии. Душа мечется в поиске оснований, и только у немногих она находит опору во имя утверждения своей позиции. Но это ведет не к угасанию миру, а к новому началу. К тому, где человек наконец-то вспомнит о неутомимой природе своего существа; к тому, где человек увидит, что жизнь остается жизнью во всех своих проявлениях, даже в тех, от которых простой горожанин машинально отвращением отворачивает свою голову, будто увидев разлагающийся труп. Борение есть начало человека, а без него взор попросту гаснет.

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокошущей трубе побед [11, с. 59].

Духовное пробуждение встрепенувшегося человеческого существа своим настроением захватывает и других, вновь удивляет и привлекает взор, ведь жизнь в таком человеке освещает близлежащее пространство, а слово о нем напоминает о возможности чего-то, кроме пресловутого комфорта.

Неотвратимость войны, как и факт самого военного конфликта, не низвергает человека в пучину животной ненависти по отношению к стоящему по другую сторону оборонительного сооружения. Война — мать, а солдат — ее ребенок. И совсем не важно, к чьей стороне принадлежит он. Участники театра войны оказываются скованы цепью события, сопричастностью к действительно происходящему так, что, хотя их акт и направлен на лишение экзистенциального проявления своего противника, противник же этот духовно оказывает в одной категории с посягающим на его жизнь: в категории семейной, кровной причастности. Везде оказывается человек, и каждый встает перед необходимостью принять и пропустить ужас своего собственного деяния.

Нет, не мученьями, страданиями и кровью,
Утратою горчайшей из утрат,
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.

С тобой, мой враг, под кличку Товарищ
Встречались мы, наверное, не раз,
Меня Господь спасал среди пожарищ
Да и тебя Господь не там ли спас [21, с. 143–144].

Ужас же заключен в самом процессе войны как в интенции достижения победы путем лишения противника живой силы. И не столь важно, каким путем названная сила будет погашена: рассеиванием, убийством, ранением, пленением. Каждый из этих способов, с прагматической точки зрения войны, имеет свои «но», но только убиение гарантирует невозвращение врага на поле боя. Важно то, что в условиях реального боя все то человеческое, что останавливало и сдерживало от убийства, от посягательства на жизнь другого, должно быть отринуто. Не в угоду зла и ненависти, но в угоду невозможности поступиться своим бытийствованием и бытийствованием своей Родины. Любовная связь

человека с человеком на поле брани разрывается, лишаящие жизни не могут позволить себе роскоши признать жизнь другого, ибо до этого признали необходимость принятия вины за свои деяния. Художественная полнота жизни противника оказывается оторвана, застлана, вырвана наиприветнейшим последствием войны: необходимостью защиты во имя спасения наследованной земли. В бою умирает любовь, и это та цена, которую невозможно не уплатить, если мы хотим, чтобы любовь продолжила свою жизнь: умирая на поле боя, любовь утверждает в защищенном воином пространстве. Но и не только боем полнится война, есть на ней место и милосердию.

Война вводит человека в пространство смерти, возвращает его к конечности жизни, ее фатальности, ибо где, как не на войне, Атропос с большим сожалением в последний раз вмешивается в человеческую жизнь. Человек «смертный, который все или почти все делает только для того, чтобы не видеть этого или справиться с этим», встречаясь с пулями, разрывами снарядов, лишениями военной жизни, от мысли о конечности своей уже никуда не может деться [7, с. 447]. Городская жизнь остается за чертой локализации конфликта, а степень риска потери жизни увеличивается на подступах к линии непосредственной конфронтации. Остается только крайним усилием приблизиться к утверждению своего места в мире; героическим светом замереть в жизнях будущих поколений, отринув так восхваляемую сейчас ценность собственной жизни. Это и есть антиматериалистический, духовный смысл войны. Но именно личность становится героем, ведь недостаточно вступить на поле боя, недостаточно взвести курок и выстрелить. Необходимо охватить свой поступок полнотой взгляда, который неминуемо возложит на плечи героя уже ранее обозначенную вину; охватить все полнотой взгляда для того, чтобы понять свое священное предназначение здесь и сейчас.

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верить в знамя Господне, твердь [11, с. 55].

И падший воин полнит сонм святых, ведь вина его была искуплена жизнью, а жизнь его стала причиной победы, непокорности традиции. Он отринул эгоистичное, индивидуальное, эгоцентричное во имя исполнения своего предназначения: дарования жизни идущим за ним поколениям. И где оборвалась его нить жизни, там завязался узелок нашей памяти, что не позволит забыть подвиг неизвестного солдата.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляем ничем [18, с. 50].

И нет в жителе серого города ничего, что он мог бы поставить воину в вину, ибо он все еще далек от правды жизни, от необходимости борения, от жажды утверждения своего собственного места в мире и поиска своих собственных границ. Жизнь такой души замерла. Ее потрясают ужасы внешние. Те, что

они привыкли считать ужасами. А мир и без них продолжает стоять на своем; а история и без них в рамках вечности продолжает свой монотонный ход.

...В снежки играют мокрые солдаты —
они одни, одни на целом свете...
Как снег чисты, как ангелы — крылаты,
ни в чём не виноваты, словно дети [19, с. 200].

Одиночество и чистота солдата — то, что идет рука об руку, так как не найти ему понимания среди обывателей мирных городов, не прошедших пламень метафизического преобразования путем ежесекундного действия и усилия; действия, которое не всегда кажется наделенным смыслом здесь и сейчас, но в дальнейшем его приобретает и становится всем существом человека, по собственной божественной мере меняя его. А идти вперед с тем, что разум наш отвергает как лишнее, человеку позволяет лишь вера, необходимость, свобода и свое собственное предназначение. Непосредственность совершающейся жизни, в некоторой степени ее наивность и внешняя простота вопроса роднит солдата и ребенка, ведь что может быть проще, чем выполнение поставленных кем-то задач, предопределенность пути и необходимость этому пути следовать. Но за внешним скрывается то, о чем уже было сказано ранее: необходимость совершенствования, необходимость взять ответ за сбывающееся и через себя пронести со-бытие, взяв на себя вину за великое зло и искупив это зло своей жизнью.

Смотри, двенадцать человек
идут из темноты,
пересекая русла рек —
им не нужны мосты.
...
Да, их двенадцать. Да, из тьмы.
Да, строим, чёрт возьми.
А приглядеться — это мы
идём, чтоб стать людьми.
Из лёгких тканей цифровых
мы скроены на ять,
но нас ведёт в ряды живых
искусство умирать.
Искусство проходить сквозь смерть,
одолевая страх.
И мы пришли олюденеть
на этих рубежах [14].

Апостолом воин несет с собой учение о том, кто есть человек, где его граница и его предел. Век позволяет нам пощупать самого себя, понять, есть ли мы здесь на самом деле, стоим ли мы на собственных ногах, или же мы — всего лишь тень, отбрасываемая комфортабельными небоскребами и быстрыми машинами. Знаменем неся свою жизнь, воин, солдат, дает нам шанс. Шанс на то, чтобы мы могли угадать, увидеть, рассмотреть само искусство жизни, рождающееся из самой жизни; жизни целостной и становящейся, включающей

в себя смерть, но не включенной еще в пространство смерти. Жизни, явленной в действии, самоотречении, ответственности, утверждении себя и понимании, что *hic et nunc* решается не только судьба отдельно взятого человека, но и целой истории, традиции, рода — сохранения божественного начала в человеке. И это сохранение есть необходимое условие для возвращения человека человеку, его «олюденению», ведь если мы сейчас не «олюдеем», то, не научившись смерти, нам останется лишь подобно животному околоть [22].

Война страшна, но страшнее ее неприятие, непонимание ее неотвратимости. Поэт посредством дарованного ему Божественным несет нам правду мира. Через пронзительность написанных строк мы приближаемся к нам самим, узнавая в выведенных строках намеков на наше собственное существо. И слезы поэта, и плач его, и песнь есть высшая помощь нам, простым смертным, ибо через них мы в том числе оказываемся готовы признать смертность, а значит, найти себя в готовности преддверия онтологической завершенности нашей жизни. Удаленное в пространстве вдруг восходит перед нашими глазами во всей полноте, концентрации. Целый мир сжимается в точку, напряженную и полную, дабы мы увидели то, что ранее было застлано плотным шелком суетной жизни. Поэзия есть отражение подлинности мира. И пусть жизнь, творимая в стихах, будет локализована за пределами горизонта нашего взора — впуская ее в себя, мы оказываемся по-настоящему близки к миру. В смутные времена дар поэта оказывается наиболее актуален для человеческого поиска оснований себя, ибо приобщает нас к истинному. И вот уже молния озарят то самое, скрытое и забытое, так необходимое, но в былом отринутое. Она озаряет горизонт человеческого существа, стремление к которому и назовем мы жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко Е. А. Библейские основания русской идеологии. — М.: Классис, 2021.
2. Авдеенко Е. А. Книга Бытия: Генезис и Берешит. Т. 3. — М.: Классис, 2019.
3. Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с фр., послесл. и коммент. С. Л. Фокина. — СПб.: Аксиома; Мифрил, 1997.
4. Бердяев Н. А. Мысли о природе войны // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 286–294.
5. Бердяев Н. А. О свободе и рабстве человека. Опыт персоналистической философии. — М.: Амрита-Русь, 2021.
6. Бердяев Н. А. Философия неравенства / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2012.
7. Биbihин В. В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.
8. Биbihин В. В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.
9. Биbihин В. В. «Vita activa» Ханны Арендт. [Электронный ресурс.] URL: http://www.bibikhin.ru/vita_aktiva_hanni_arendt (дата обращения: 05.07.2023).
10. Биbihин В. В. Узнай себя. — СПб.: Наука, 2015.
11. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). — М.: Воскресенье, 1999.

12. Зомбарт В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.
13. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. — 1914. — № 25, кн. 125 (5). — С. 797–826.
14. Караулов И. А. Смотри, двенадцать человек. [Электронный ресурс.] URL: https://vk.com/wall598443814_721?t2fs=eea288fa89a5605c7f_3 (дата обращения: 05.07.2023).
15. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии: Опыт физической метафизики. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2019.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М.: «А ТЕМП», 2006.
17. Петрарка Ф. Письма / пер., послесл., коммент. В. В. Биbihина. СПб.: Наука, 2004.
18. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836.
19. Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных. Избранная лирика. Роттердамский дневник. — 6-е изд. — М.: Искусство-XXI век, 2021.
20. Слуцкий Б. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения 1972–1977 / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева. — М.: Худлит, 1991.
21. Туроверов Н. Н. Двадцатый год — прощай, Россия! М.: Российский фонд культуры, 1999.
22. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993.